

Баллада о кавалере былых времен

Сентябрь 17 сентября 2001 г., № 194 (22984)

Сорок дней, как ушел из жизни актер Геннадий Воропаев. Тот самый артист, в которого влюблены были все женщины Ленинграда и Москвы. "В свое время", как принято писать в таких случаях. В мае этого года Геннадию Ивановичу исполнилось семьдесят лет. Тихо отпраздновали, без особых торжеств и фейерверков. А тогда, говорят, в начале шестидесятых, неправдоподобный профиль молодого Воропаева (анфас ничуть не более правдоподобен) повергал зрительниц в волнение и заставлял безумствовать. Робко начинавшаяся карьера острохарактерного тюзовского артиста была забыта ради стремительной и блестящей судьбы героя-любownika Театра Комедии Николая Акимова.

"Ты притупи, о время, когти льва..." Сейчас уже надо терпеливо объяснять молодому поколению, почему именно киношный герой Воропаева столь роковым образом повлиял на судьбу несчастной (или счастливой?) Колдуньи и почему в другом фильме, в популярной до сих пор "Вертикали", своенравная "альпинистка моя, скалолазка моя" могла предпочесть воропаевского покорителя вершин самому Высоцкому. Да не могла она иначе! Вы видели акимовский плакат к "Дон Жуану"? Еще вопросы есть?

Зайдите как-нибудь в Театр Комедии хотя бы для того, чтобы посмотреть в чудесные глаза сыгранного Воропаевым Ученого (а может быть, и только ради этого). Разумеется, Николай Акимов, режиссер и художник, не мог не разглядеть этого молодого человека, словно сбежавшего со старинного портрета в эпоху простоватых романтических шестидесятых из совсем другой, изысканной романтической эпохи. Для того чтобы вот так провокационно "подарить" советскому зрителю этого, в общем, не слишком современного героя, надо было, видимо, обладать акимовским художественным коварством, его исторической и культурной памятью. И дело не только во внешности. В образах Геннадия Воропаева не было мужской победительной жестокости, обворожительная мужественность его героев была иного, старинного "джентльменского" фасона - мягкость, кротость и искреннее добросердечие прелестно оттеняли романтическую страстность. Ему удавалось быть "ненасилственнно", мучительно очаровательным.

Знаменитый байроновский Дон Жуан и сказочно интеллигентный шварцевский Ученый в легендарной "Тени", рыцарь Ланцелот в запрещенном вскоре вовсе уж полумифическом "Драконе", ироничный философ шут Фесте в шекспировской "Двенадцатой ночи", воспетый горячо и толково (во времена практически повального театроведческого косноязычия). А потом был трагик Несчастливцев в "Лесе", "Романтики", "Этот милый старый дом", снова "Тень" - теперь уже Доктор... И вот еще забавная деталь из архивных "раскопок" - в каком-то "Рассказе одной девушки"

воропаевский персонаж назывался просто Он. Что символично. Нет, ролей не много.

Красиво состариться ему не дали. Геннадий Иванович в последние годы появлялся в маленьких ролях в средних и вовсе неудачных спектаклях - играл честно, старался ужасно трогательно, от души. Не без приятности утапливал пальчики в пышном содержимом дамских корсетов в каких-нибудь "Дамах и гусарах", пел безнадежные куплеты (бог ты мой, ну какой из него денщик?!), играл "простого колхозника" в дурачком "Слоне".

На долю бывшего странствующего рыцаря и Дон Жуана выпали какие-то поистине донкихотовские унижения. (Где же были те, кто был так влюблен в него когда-то? "Где прошлогодний снег?") А играть-то было что. Такая, выражаясь современным языком, харизма, да и столько любви (которая, как известно, "просто в небе парит", продолжая жить рядом с кумиром былых времен) выпадает на актерскую долю не каждому. Помните, цветаевское: "- Да что тебе во мне? - Гла-за. - Потухли!" Неправда.

"Юность - бьющийся товар". Шекспировский Шут, сыгранный Воропаевым, красавец и остроумец, пел свои печальные песенки о преходящем празднике земной жизни и хрупкости красоты. Из всех шекспировских интонаций именно эта и нежно, и беспощадно точно повествует о судьбе артиста, любимца публики. Все ненадежно и мимолетно - "как блеск зарниц, который потухает, едва сказать успеешь "блеск зарниц"..."

Артист Геннадий Воропаев ушел из жизни тихо, а если бы панихиду по нему коллеги из Театра Комедии не превратили бы неожиданно в "манифестацию протеста" против руководства театра - то и вовсе скромно, незаметно. Но когда и как бы ни ушел Дон Жуан, он оставляет по себе сердечные раны.

Лилия ШИТЕНБУРГ

• Геннадий Воропаев (Страфорэль) в спектакле "Романтики" (по пьесе Э.Ростана).